

СВОБОДНОЕ УЗДЕНСТВО ФЕОДАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.): К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблема, посвященная свободному узденству Дагестана, хотя и не стала предметом специального исследования, привлекала внимание как дореволюционных, так и советских и постсоветских авторов, так как это важнейший вопрос социально-экономического развития и политического положения Дагестана.

В дореволюционной историографии о свободном узденстве указывалось еще в начале XVIII в. Среди авторов этого периода прежде всего отметим А.И. Лопухина, писавшего в 1718 г. о «народе самовольном», жившем в Кайтагском уцмийстве (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 12), и И.-Г. Гербера, отмечавшего через 10 лет (в 1728 г.), что в союзах сельских общин Дагестана были «вольные люди» (*И.-Г. Гербер*, 1958. С. 77, 101, 105, 113).

В конце XVIII в. сведения о свободном узденстве («вольном народе») Урахинского союза (гуряки-урахинцы) приводил Д.И. Тихонов (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 127). В работах многих авторов XIX и начала XX в. также говорится о наличии в Дагестане, а именно в союзах сельских общин, свободного узденства как одной из сословных групп дагестанского крестьянства. Это работы С.М. Броневского, О. Евецкого, П. Зубова, А.А. Неверовского, Н. Березина, Я. Костенецкого, А. Берже, П. Петухова, Н.Н. Муравьева-Карского, Е. Вейденбаума, П.К. Услара, В. Линдена, а из местных авторов Д.-М. Шихалиева, А.-К. Бакиханова, А.-М. Амирова, Г.-Э. Алкадари.

Особенно большое внимание свободному узденству стали уделять исследователи советского периода и, главным образом, дагестанские ученые. Еще в 20–30-х гг. прошлого века на наличие свободного узденства в дагестанском обществе указывали У. Алиев, С.В. Юшков и Б.Д. Бутаев. В 40–50-х гг. большое внимание вопросу о свободном узденстве уделили в своих работах М.В. Саидова, известные дагестанские ученые Х.-М.О. Хашаев и Р.М. Магомедов, а вслед за ними в 60-х и в последующих гг. – Р.Г. Маршаев, Г.Г. Османов, Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов, В.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, М.О. Османов, С.-Х. Асиятилов, М.М. Ихиллов, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов, Д.М. Магомедов, М.Г. Гасанов, Н.С. Джидалаев и Т.М. Айтберов, Ш.М. Мансуров, А.Г. Мансурова и др.

Уделяли внимание свободному узденству в своих работах и дагестанские этнографы: М.А. Агларов, в трудах которого исследования о свободном узденстве занимают весьма большое место, Б.-М. Алимова, М.К. Мусаева, С.А. Лугуев и др. Говорится о свободном узденстве и в обобщающих коллективных работах «Очерки истории Дагестана», «История Дагестана», «История народов Северного Кавказа...».

Но до сих пор не было цельной работы по свободному узденству феодального Дагестана. Собственно этим и значимостью вопроса и вызвано наше обращение к проблеме о свободном узденстве феодального Дагестана и поставлена задача исследовать ее в монографическом плане, охватив в ней все вопросы, раскрывающие всесторонне эту сословную группу дагестанского крестьянства.

Настоящая статья является обобщением нашего исследования «Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая пол. XIX в.)», рекомендованного УС Института ИАЭ к печати.

Исследование проблемы свободного узденства феодального Дагестана основано на различных источниках и литературных материалах: архивных материалах, хранящихся в различных фондах архивохранилищ (РГВИА, РГИА СПб., ЦГА РД, ЦГИА РГ, ЦГИА Раз), и изданных в различных сборниках архивных материалов и литературных источниках (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1866–1904; *Белокуров С.А.*, 1899; Известия русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. о Дагестане. 1992; История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв., 1958; Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940; Памятники обычного права Дагестана XVIII–XIX вв., 1965; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в., 1988; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв., 1958; Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XIX в., 1969), адатах народов Дагестана, изданных в XIX–XX вв. (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899; Адаты даргинских обществ, 1873; Адаты южно-дагестанских обществ, 1875; *Гарданов В.К.*, 1960; Гидатлинские адаты, 1957; Из истории права народов Дагестана, 1968; *Комаров А.В.*, 1868; *Леонтович Ф.И.*, 1883; *Магомедов Р.М.*, 1960; *Магомедов Р.М.*, 1964; Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965; Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-Хана, написанные в XII в. по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш. 1868), различных исторических и этнографических работах отечественных и зарубежных авторов и собранных нами на территории бывших феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана историко-этнографических, топонимических, фольклорных, лингвистических и других материалах.

Свободное узденство – это основное население союзов сельских общин. Лично свободные уздени были и в феодальных владениях, и в них они составляли большую часть населения, так как в их составе находились не только села, заселенные феодально и лично зависимым крестьянством, но и союзы сельских общин. Свободный уздень – это лично свободный общинник- крестьянин, лично не зависимый ни от кого, который распоряжался собой как хотел, независимо от другой личности.

Впервые термин «уздень» появляется в русских документах в 80-х гг. XVI в. Под узденями в них имелись в виду дружинники и дворяне различных адыгских народов и дагестанских феодальных правителей. Это служилая знать, «лучшие уздени», по терминологии русских документов XVI–XVII вв., т.е. «феодальные слои», по определению Е.Н. Кушевой (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 49, 57).

И в Дагестане, в частности в Засулакской Кумыкии, были уздени двух степеней, известные как сала-уздени: 1) сала-уздени высшей или первой степени, владевшие своими «кабаками» (аулами). Это настоящие феодалы, которые проживали в Засулакской Кумыкии еще до переселения туда Султан-Мута; 2) так называемые «дворовые уздени», которые находились на службе у кумыкских князей, постоянно пребывали при своих князьях, жили вблизи их дворов, сопровождали их в походах и междоусобицах.

Но, как известно, основная масса узденства – это лично свободные, независимые от феодалов, самостоятельные уздени, которые стали известны под этим наименованием в более позднее время. Отмечая существование такой

категории узденства, И.-Г. Гербер писал, что они «вольные люди», «живут самовольно и каждый делает что хочет», что они «мало послушны бывают» и «никогда ни под каким владетелем не стояли» (*И.-Г. Гербер, 1958. С. 77, 101, 105, 112, 113*).

Свободный уздень отличался от феодально-зависимых категорий узденства как одной из групп крестьянского сословия именно своей личной свободой, независимостью. Это член общины, крестьянин, ведущий свое самостоятельное хозяйство в основном на своей, лично ему принадлежащей в качестве частной собственности земле. Это центральная и основная фигура сельских общин Дагестана – будь то феодально-зависимая община или же община союза сельских общин. Общим для тех и других была личная свобода, хотя они находились в различных формах зависимости, характерных для феодального общества. Но уздени союзов сельских общин в целом – это полноправные (хотя в изучаемое время часто и формально) свободные крестьяне-общинники, представляющие свободную общину в составе определенного союза как территориально-этнической, так и хозяйственно-политической структуры.

Свобода дагестанского узденя-общинника, как и свобода свободных людей европейских стран в средневековье, «заключалась в его полноправии, а содержанием последнего была совокупность прав – обязанностей, составлявших в тот период неразрывное единство» (*А.И. Неусыхин, 1954. С. 33–34*).

Но первоначальный смысл термина «уздень» у народов Дагестана был другой: у лакцев – «честный, благородный», у аварцев – «стройный, утонченный», у лезгин – «великодушный, благородный» и т.д. У других народов Северного Кавказа уздени – это служилое сословие, и в то же время термин этот имел и другое смысловое значение. Так, у чеченцев уздень (озда) – это «вежливый, обходительный, учтивый, воспитанный» человек, «благородные люди, лучшие люди». У осетин «оздан» – это «воспитанный, благородный дворянин». У адыгских народов уздени или уорки – это первостепенные дворяне. А юридически свободные общинники, но зависимые от князей и уорков назывались тлхутли (*Миллер В.Ф., 1930. С. 172; Осетино-русский словарь, 1970. С. 421, 422; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, 1967. С. 104; Гарданов В.К., 1967. С. 156, 165, 169, 180*).

Согласно существующим источникам и их интерпретации, термин «уздень» в форме «овдан» встречается в тюркском языке начиная с XIII в. в смысле «хороший, красивый».

Отсюда, видимо, и первоначальное значение этого термина у народов Северо-Восточного Кавказа: служилые люди (знать), дружинники, различные послы, лучшие, благородные, вежливые, красивые люди, а у адыгских народов – дворяне. И у народов Дагестана термин уздень, означавший лично свободного человека (крестьянина-общинника), первоначально применялся к дружинникам, служилым людям и знати. И только впоследствии этим термином стали обозначать в основном лично свободных узденей, хотя с прибавлением иных слов, других категорий узденства (догерек-уздень, азат-уздень, къара-уздень), а также для обозначения низшего феодального сословия – сала или первостепенных узденей и второстепенных узденей – дружинников засулакских князей.

Являясь основным населением сельских общин, свободное узденство было и основным собственником земли, которое имело две формы – личную собственность, известную как мюльк, и общинную, т.е. собственность коллектива

– всего свободного узденства. Но между ними была большая разница в форме пользования. Если личной собственностью на землю свободный уздень распоряжался сам, как хотел, имея на нее право отчуждения (продажа, дарение, обмен, завещание и т.д.), то второй – коллективной землей, распоряжалась община, в чьем ведении (в лице джамаата и общинной администрации) находилась общинная земля. Ограничения в пользовании мюльком в форме запрета продажи ее вне общины и наличие права предпочтительной покупки родственниками или соседями по земельной собственности не меняли сути частной собственности свободного узденя, ибо в конечном счете своей земельной собственностью распоряжался он сам – продавал, дарил, обменивал на другой участок или на что-либо другое и т.д. Хозяином, собственником мюлька в конечном итоге был и оставался лично свободный уздень, а не община, родственники или соседи по земле. В мюльк входили все категории земель – пахота и сенокос, отдельные участки (но не повсеместно и в небольших размерах) пастбищ и леса, отдельные места на хуторах в виде загонов для скота, где были сооружены домостроения и помещения для скота.

Коллективная, общинная, собственность – это собственность коллектива свободных узденей, которые имели право пользования, так как являлись членами общины (джамаата). Именно последнее делало свободного узденя равноправным с другими такими же членами общины и давало право на пользование общинными – коллективными землями. Общинные земли имелись во всех свободных общинах союзов сельских общин, и их было немало, хотя и в разном соотношении по категориям земель. Больше всего в коллективной собственности находились пастбищные горы и отдельные пастбищные места в основном для пастбы крупного рогатого скота (коров, быков, телят, лошадей), располагавшиеся в пределах территорий сельских общин. Пастбищные горные участки в основном служили для содержания в летние месяцы отар овец, которые на зиму перегонялись на арендуемые на плоскости (Кайтагское уцмийство, Тарковское шамхальство, Засулакская Кумыкия, Дербентское ханство) и за пределами Дагестана (Азербайджан, Грузия) зимние пастбища.

Свободное пользование коллективными (общинными) землями заключалось в том, что каждый лично свободный уздень имел право пасти свой крупный рогатый скот в стадах – коров, быков, телят и т.д., а овец – на горных пастбищах, в отарах, которые формировались в том джамаате, в котором он жил вместе со своей семьей и имел свое личное самостоятельное хозяйство.

В свободной общине имелись еще две формы землевладения, которые также имели прямое отношение к свободному узденю. Это мечетское землевладение, известное повсеместно как вакуф и тухумная собственность.

Мечетское землевладение, возникнув в Дагестане с принятием ислама и строительством религиозных учреждений, в последующие годы и даже в исследуемое время все время увеличивалось за счет завещаний свободными узденями своих земельных участков. Отдельные мечети, в особенности пятничные (джума мечети), имели довольно большие земельные участки, причем всех категорий земель, но главным образом пахотные, находившиеся в разных местах на территории свободных общин, подобно тому как были разбросаны и собственные участки самих узденей-общинников.

На завещанный мечети земельный участок свободный уздень терял право собственника, он (земельный участок) переходил в ведение мечети безвозвратно,

в распоряжение либо духовных служителей, либо специального человека, которого назначали главные духовные служители для ведения мечетскими землями. Известен был такой человек больше под названием вакил. Это практически смотритель за мечетскими землями. Распоряжались же мечетскими землями духовные служители, если эти земли находились в ведении мечетей, и это оговаривалось завещателем. В случаях же, когда мечетские земли возникали в результате передачи мечетям общинных земель (это было характерно в основном для общин Западного Дагестана), ими распоряжались в основном сами джамааты.

Мечетские земли, которые передавались в ведение мечетей, в основном сдавались в аренду малоимущим членами общины на различных условиях в зависимости от их качества и расположения. Так, уздени-общинники практически пользовались землями своих же односельчан-общинников, которые отказывались от права собственности на свою землю в пользу мечети. Мечеть являлась единственным и абсолютным владельцем и распорядителем завещанных и переданных при жизни узденями-общинниками земель. Мечетскую землю нельзя было в отличие от мюлька продавать, дарить, менять на что-либо и т.д. Земля в пользу мечети передавалась безвозвратно и навечно.

Тухумная земля также была связана с личностью свободного узденя. По своему характеру эта форма собственности представляла из себя пережиток земельной собственности большой семьи, когда земля находилась в ее собственности и обрабатывалась общими силами ее членов, а затем стала делиться между малыми семьями, отпочковавшимися от большой семьи.

Тухумных земель было немного. Тухумная собственность распространялась не на все категории земель и имела не во всех общинах. Сохранившиеся же участки не являлись экономической основой тухума, объединявшего малые индивидуальные семьи. Они не обрабатывались общими силами тухума, а если их было много, делились между семьями тухума. Тухумными землями из-за их немногочисленности и невозможности получения от них какого-либо ощутимого дохода при дележе между индивидуальными семьями, входившими в тухум, члены тухума (семьи) пользовались по очереди. Поэтому ни по своей сущности, ни по форме пользования тухумная собственность не представляла собой родовой собственности, она была пережитком большесемейной собственности точно так же, как и сам тухум, являющийся доминантом большесемейной общины. Тухумная собственность на землю в исследуемый период ни по своей сущности, ни по размерам не играла особой роли ни в экономической жизни тухума, ни в экономической жизни общины в целом, где основными формами земельной собственности являлись частная (мюльковая) собственность индивидуальных семей свободных общинников и коллективная (общинная, общеджамаатская, общеузденская) собственность.

Наличие различных форм собственности на землю вызывало и разные формы пользования ими в узденской общине. Но главным, определяющим социально-правовое положение свободного узденя в общине было наличие права свободного отчуждения частной земельной собственности. Именно наличие права отчуждения (купля-продажа, дарение, завещание, передача по наследству, обмен и т.д.) привело к различному положению разных категорий или групп лично свободного узденства. Право отчуждения земли привело к тому, что одни уздени-общинники продавали свои земельные участки в силу каких-то обстоятельств, а другие покупали их. В результате, говоря словами К. Маркса, уздень-общинник,

лишившийся земли, лишался «того двойного отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой собственником» (Маркс К., 1968. С. 486).

Отношение к земле, наличие ее в собственности определяли положение узденя в общине, его имущественное и правовое положение даже при одинаковом социальном происхождении с другими такими же равноправными членами свободной общины. В исследуемое время свободное узденство не было однородным. Одна его часть (верхушка) владела большими участками земли и значительным поголовьем мелкого и крупного рогатого скота и использовала в своем хозяйстве труд обедневших, лишившихся земли узденей и рабов, большая же часть свободного узденства попадала в различные формы зависимости от общинной верхушки. Основная масса узденства, хотя и не утратила своих личных прав, была лично свободна, но в условиях неравного экономического положения по сравнению с разбогатевшей частью в значительной мере стала утрачивать свои права, не имея возможности практически пользоваться ими, реализовывать их на практике. Поэтому в реальной жизни существенны были не столько сами по себе личные права, формально принадлежавшие всем членам общины, независимо от их экономического положения, сколько сама возможность ими пользоваться. Выделение из основной массы свободного узденства привилегированной зажиточной верхушки сопровождалось ущемлением прав основной массы свободного узденства. Проявлялось это в возможности пользоваться общинными пастбищами, являвшимися общей собственностью всех членов джамаата. Уздени, имевшие много скота, пользовались ими активно, в то время как не обладавшие им вообще не пользовались пастбищами. Неравенство проявлялось между верхушкой общины и рядовыми узденями и в пастьбе скота в стадах, формируемых либо по частям селения, либо по кварталам или в джамаате в целом. Особенно ущемлялись права рядовых узденей при формировании общинной администрации, когда должности старшин во многих случаях и во многих общинах занимали представители одних и тех же тухумов, которые в силу определенных условий и главным образом в силу их выдвижения как экономически сильных, богатых и многолюдных родственных коллективов захватили право занимать административные должности в общине. Занимая административные должности, верхушка узденства еще больше обогащалась и все больше и больше отдалялась от рядовых узденей. Она имела десятки участков земли, сотни, тысячи, а отдельные из них даже десятки тысяч голов овец и сотни голов крупного рогатого скота. Эта была фактически феодальная и феодализирующая общинная верхушка (знать). Социальная градация обществ была одновременно и тухумной градацией. Были бедные и богатые тухумы, привилегированные и бесправные, высшие и низшие, сильные и слабые. Все это было характерно для узденских общин всех народов Дагестана.

Существовавшие в изучаемое время формы земельной собственности являлись основой экономической жизни свободных общин. Именно земля как источник «всякого производства и всякого бытия» (Маркс К., 1958. С. 733), которая являлась «одновременно и сырьем, и орудием, и плодом» (Маркс К., 1968. С. 481), была основой ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства. В изучаемый период эти два вида занятий свободных узденей являлись основными отраслями их хозяйственной деятельности. И каждое поколение свободных узденей передавало следующему поколению навыки и опыт,

накопленный как предыдущими поколениями, так и ими. Вместе с тем, будучи развитыми повсеместно, земледелие и скотоводство в зависимости от естественно-географических условий и других факторов в различных общинах свободных узденей имели и свои особенности, выражавшиеся в большей или меньшей степени развитости и роли в экономической жизни населения той или иной отрасли (земледелия или скотоводства) или в равномерном развитии и сочетании их.

Особенностью земледелия горных и высокогорных общин являлись ограниченность пахотных земель и невозможность бесконечного их расширения и развития. Но были и здесь такие общины, где свободное узденство производило хлеб в достаточном количестве. В некоторых узденских общинах горного Дагестана (Гергебиль, Урада, Урахи, Киша и др.) (Мочульский И.О., Л. 182; Гюльденштедт И.А., 1809. С. 128–129; *Хашаев Х.-М.*, 1959. С. 39; *Алиев Б.Г.*, 1972, С. 78) производились даже излишки зерна, которые продавались другим горцам, менее обеспеченным своим хлебом. В зависимости от природно-географических условий уздени сеяли пшеницу, ячмень, полбу, голозерный ячмень, овес, из технических культур – коноплю и лен, из бобовых – конские бобы, фасоль, горох, чечевицу. Примерно с XVIII в. горцы стали выращивать и кукурузу.

Там, где позволяли природно-географические условия, свободные уздени занимались садоводством и огородничеством. Садоводство было развито в общинах, расположенных в горно-долинной зоне, где выращивали яблоки, груши, айву, гранаты, грецкие орехи, миндаль, абрикосы, инжир, вишню, черешню и т.д. Во многих общинах занимались и виноградарством. Огородничество было развито меньше, хотя горцам издавна были известны чеснок, лук, репа, но они не занимались, как жители плоскостных районов, выращиванием капусты, помидоров, огурцов и т.д.

Занимались свободные общинники также пчеловодством и охотой.

Как и в земледелии, в животноводстве были свои особенности, заключавшиеся в том, что горные общества больше занимались содержанием овец, хотя в горах были и такие общества, где в связи с развитием земледелия разводили много крупного рогатого скота. Жители предгорных узденских общин разводили преимущественно крупный рогатый скот. Больше всего развито было овцеводство в общинах Аварии, Южного Дагестана, Акуша-Дарго, Салатавии и т.д. Овец летом содержали на летних альпийских пастбищах, зимой – на пастбищах плоскостного Дагестана и в Закавказье.

Особенностью содержания крупного рогатого скота являлось то, что хозяйственное значение его было гораздо выше, чем овцеводства, хотя крупный рогатый скот по количеству сильно уступал овцеводству. Другая особенность в разведении крупного рогатого скота в общинах свободных узденей – это более равномерное распределение его между хозяйствами, чем овец. Разведение крупного рогатого скота находилось в прямой зависимости от развития земледелия. Связь их очевидна. Кроме того, крупный рогатый скот давал мясомолочные продукты, он служил гужевым транспортом, его использовали как тягловую силу при сельхозработах. Крупный рогатый скот давал и топливо (кизяк). В обществах, где не было леса, кизяк был основным видом топлива горца.

Общинники-уздени разводили, кроме быков и коров, также буйволов (в обществах, находящихся ближе к плоскости), лошадей, мулов и ослов, хотя и не в том соотношении, как овцы и крупный рогатый скот. Лошадей больше содержали

в предгорных общинах, а ослов – в горных, где они были основной тягловой силой, в особенности там, где не было колесных дорог. Занимались они также птицеводством.

Были развиты в сельских общинах домашние промыслы и ремесла. Производилось более 40 видов кустарных изделий. Основными видами кустарных промыслов и ремесла были: обработка шерсти, кожи, дерева, металлов, камня, глины, конопли. Они дополняли средства существования, получаемые от земледелия и животноводства. Промыслом также занимались повсеместно.

Высокого развития в общинах свободных узденей достигла обработка шерсти, из которой горцы изготавливали сукно, наплечные бурки, паласы, ковры, сумахи, арбабаши, грубые ткани, войлоки, переметные сумы, попоны, мешки, шерстяную обувь, чулки, носки, головные женские платки, веревки, нитки и т.д. У всех народов Дагестана были свои центры по обработке шерсти, производству различных шерстяных изделий, в особенности сукна, пользовавшегося большим спросом и известного как «лезгинское сукно».

В изучаемое время были известны и крупные ремесленные центры – Кубачи, Амузги, Харбук, Цудахар, Унцукуль, Балхар, Анди, Микрах, Ахты, Испик, Джилихур, Карадах, Салта, Карата и т.д., где производство определенных изделий (из шерсти, металлов, глины, дерева) было направлено не только на удовлетворение своих собственных потребностей, но и, главным образом, на рынок. Изделия ряда ремесленных центров (Кубачи, Анди, Унцукуль и т.д.) пользовались большим спросом и за пределами Дагестана (Северный Кавказ, Закавказье, Иран, Турция, Россия).

В целом развитость того или иного домашнего и ремесленного производства зависела от наличия сырья.

Уздени свободных общин занимались и отходничеством, что было связано с отсутствием нужного количества земли, незанятостью населения и необходимостью содержать семью. Свободные общинники уходили на заработки в Закавказье и в равнинные районы Северного Кавказа. Много отходников-горцев было в Кизляре, где они работали на различных сельхозработах, и в Дербентском владении, где они были заняты на весенних работах на маренниках.

Занимались свободные общинники и торговлей, продавая или обменивая различные продукты сельского хозяйства и домашнего и ремесленного производства на необходимые продукты и изделия ремесла и промышленного производства (зерно, фабричные ткани, посуда, предметы из металла, дерева, стекла, оружие, металлы, соль и т.д.). Сами горцы продавали шерстяные изделия: сукна разных цветов, бурки, изделия из металла (ружья, кинжалы, ножи, пистолеты, сабли), кожи, продукты животноводства, мед, воск и т.д.

Центрами торговли были Дербент, Тарки, Эндирей, находившиеся на плоскости, куда приезжали горцы, а в горах были свои зональные торговые центры, где в определенные дни недели собирались еженедельные базары. Это Чох, Согратль, Корода, Анди, Ботлих, Акуша, Цудахар, Усиша, Муги, Мекеги, Урахи, Уркарах, Кубачи, Харбук, Ахты, Касумкент, Рутул, Цахур, Курах и другие села союзов сельских общин, где также собирались еженедельные базары.

Свободные общинники вывозили свою продукцию на рынки соседних государств – Грузии и Азербайджана, где продавали в основном изделия ремесла и домашнего производства, приобретая хлопчатобумажные ткани, соль, домашнюю утварь, различные продукты, краски, бумагу и т.д. Центрами

торговых сделок горцев в Закавказье были г.г. Куба, Нуха, Гянжа, Баку, Шемахи, Шеки, Кабала, Шуша, Телави, Шилда, Кварели, Гавази, Сигнахи и, конечно, Тифлис.

Вели торговлю свободные уздени союзов сельских общин Дагестана и с народами Северного Кавказа. В основном эти связи осуществлялись в торговых центрах плоскостного Дагестана – Эндирей, Брагуны, Аксай и Костек, куда приезжали торговые люди из Чечни, Осетии, Кабардино-Балкарии. Как говорится в источнике, в Эндирее было «стечение соседственных горцев».

Торговали свободные уздени также с Россией и странами Ближнего и Среднего Востока – Турцией, Персией и т.д. Уздени-торговцы осуществляли торговые связи с русскими купцами в основном в Кизляре, куда приезжали торговцы из Вологды, Ярославля, Тулы и других русских городов.

Результатом развития торговли явилось усиление товарно-денежных отношений в сельских общинах, что приводило к потере натурального характера их хозяйств.

Торговые пути представляли собой как колесные дороги, так и тропы, которыми были пересечены территории союзов сельских общин. В торговые центры вели в основном колесные дороги, села же между собой были связаны многочисленными тропами. Нельзя здесь не вспомнить слова офицера царской армии Ф.И. Гене, писавшего, что в «Дагестане, как и во всякой стране, весьма много есть тропинок, служащих к взаимному сообщению жителей» (*Гене Ф.И.*, 1958. С. 347).

Немало было дорог и перевалов, которые связывали союзы сельских общин горного Дагестана с центрами торговли плоскостного Дагестана, а также Закавказья (Азербайджаном и Грузией) и Северного Кавказа.

Вся жизнь свободного узденя была связана с общиной, где он проживал и являлся ее членом. Община – это основная политическая и социальная ячейка союзов сельских общин. В изучаемое нами время община свободных узденей представляла из себя территориальное объединение разобщенных, самостоятельных собственников (свободных узденей), не связанных общностью производственной деятельности. Но, будучи членами этого коллектива как объединения или союза собственников, что и предполагало их членство в общине, свободные уздени-общинники имели по отношению к общине обязанности и пользовались всеми правами лично свободных людей. Прежде всего они обязаны были руководствоваться в своей повседневной жизни теми нормами адатов, которые были характерны для общины, где они проживали. Нарушение их влекло за собой наказание в виде штрафа, размер которого зависел от степени вины. Как член общины, свободный уздень обязан был участвовать в общественных работах, охране своей общины в составе народного ополчения, во всех мероприятиях, проводимых общиной (в лице общинной администрации) и т.д.

Но и община обязана была охранять своих членов от посягательств на их собственность и жизнь, защищать честь и достоинство, оберегать их от насилия, унижения и оскорблений. Община регулировала взаимоотношения родителей и детей, семейно-брачные отношения, следила за моральным поведением своих членов, проведением сельскохозяйственных работ. Она являлась хранительницей трудовых навыков и народных традиций. Община проводила совместные традиционные праздники, связанные с началом пахоты, жатвы, сенокоса, пастьбой скота, сбором фруктов и винограда и т.д., являлась

проводником религиозных мероприятий, следила за соблюдением ее членами религиозных обрядов.

Свободные же уздени имели право на защиту своей личности, собственности и имущества, возмещение причиненного им имущественного, физического и морального ущерба, пользование общественными землями, участие в общих сходах, получение помощи и защиты со стороны сородичей и односельчан, имели также право добиваться решений по всем имущественным и иным делам, обращаться к услугам посредников, защищаться от выдвигаемых обвинений, выдвигаться на административные должности. Это было сочетание прав и обязанностей свободных узденей, их взаимоотношение с общиной. В свободной общине, как корпорации свободных узденей, их сообществе, права и обязанности дополняли друг друга и были направлены на нормальную жизнь джамаата.

Личная свобода узденя не означала отсутствие каких-либо форм его зависимости. Прежде всего он был зависим от самой общины, в которой проживал и являлся ее членом. Членство в общине обязывало узденя к соблюдению ее адатов, решений джамаата и администрации. Он ограничен был в своих поступках рамками адатно-правовых норм.

Вторая форма зависимости лично свободных узденей, также исходящая из их проживания в общине, была связана с ее дальнейшим социально-экономическим развитием, которое привело к появлению различных групп населения – к фактическому разделению общества свободных узденей на различные социальные слои, отличавшиеся друг от друга по своему экономическому и фактически правовому положению в общине. Результатом этого и явилось появление зависимых отношений обедневших, безземельных и малоземельных, но лично свободных узденей от местных богатеев-односельчан, являвшихся местной феодализирующейся, а часто фактически настоящей по своему экономическому и социально-правовому положению феодальной знатью, которая сосредоточила в своих руках большие земельные массивы, огромное количество овец, крупного рогатого скота и всевозможное имущество.

Во многих свободных общинах находились представители феодального класса, выходцы правящих феодальных фамилий Казикумуха, Хунзаха, Кайтага и т.д., которые, имея в собственности большие земельные массивы, поставили в экономическую зависимость лично свободных узденей, пользовавшихся их землями, за что последние обязаны были платить продуктами сельского хозяйства и даже отрабатывать на землях феодалов определенное количество дней.

Многие союзы сельских общин и отдельные сельские общества находились в политической и экономической зависимости от дагестанских феодальных владений. Одни союзы входили в состав феодальных владений, другие имели какие-то обязательства перед феодальным правителем. Те и другие союзы находились в экономической и политической зависимости от феодальных владетелей, которая выражалась либо в выплате (поставке) определенных продуктов сельского хозяйства, либо в уплате арендной платы за пользование пастбищами и другими угольями феодала.

Зависимые отношения существовали и внутри самих союзов сельских общин, когда главное селение подчиняло остальные села. Подобного рода зависимость сельских общин от главного селения особенно наглядно проявлялась в Ахтыпаринском и Рутульском союзах, где имела место так называемая пахта, напоминающая кормление, распространенное в русских княжествах. В Акуша-Дарго Акушинский союз подчинил остальные союзы федерации, в Сюргинском союзе с. Урари подчинило другие села союза и т.д. Это своего рода «корпоративная» зависимость.

Была еще одна форма зависимости свободных узденей, когда более сильные

общины подчиняли слабые или когда одна община, некогда возникшая на территории другой общины, платила за занимаемую ею землю определенную ренту в виде зерна, скота и т.д.

Формой экономической зависимости свободных узденей являлась и аренда малоземельными общинами пастбищ у более богатых общин, имевших в собственности много пастбищных гор и отдельных пастбищных участков. За аренду малоземельные общины платили ренту.

Существовала и такая форма зависимости узденей, когда сильные общины брали под защиту слабые за определенные услуги. Эти своего рода патронатные отношения приводили к своего рода коллективной зависимости одних общин от других.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899. Тифлис.
- Адаты даргинских обществ. 1873 // ССКГ. Вып. VII. Тифлис.
- Адаты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. 1866–1904. Т. 1–12. Тифлис.
- Адаты Южно-дагестанских обществ, 1875 // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис.
- Алиев Б.Г.*, 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала.
- Ахмедов Я.З.*, 1991. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М.
- Белокуров С.А.*, 1899. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1578–1613. Т. I. М.
- Гарданов В.Г.*, 1967. Общественный строй адыгских народов. М.
- Гарданов В.Г.*, 1960. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа // СЭ. № 5. М.
- Гене Ф.И.*, 1958. Сведения о Горном Дагестане. 1835/1836 г. // ИГЭД. М. Гидатлинские адаты. 1957 / Подготов. к печати Х.-М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала.
- Гербер И.-Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.
- Гюльденштедт И.А.*, 1809. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб.
- Известия русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. о Дагестане, 1992. Махачкала.
- Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы, 1968 / Сост. А.С. Омаров. Махачкала.
- История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. 1958 / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.
- История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. 1967. Т. I. М.
- Комаров А.В.*, 1868. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис.
- Кушева Е.И.*, 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М.
- Леонтович Ф.И.*, 1883. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса.
- Магомедов Р.М.*, 1960. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М.

- Магомедов Р.М.*, 1964. Памятник истории и культуры даргинцев XVII века. Махачкала.
- Маркс К.*, 1958. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) // *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 12. М.
- Маркс К.*, 1968. Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века), 1940 / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Т. III. Ч. I. 1801–1839. Махачкала.
- Миллер В.Ф.*, 1930. Осетино-русско-немецкий словарь / Под ред. и дополн. А.А. Фреймана. Т. 3. Л.
- Мочульский И.О.*, Война на Кавказе и в Дагестане // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2.
- Неусыхин А.И.*, 1956. Возникновение свободного крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе XI–XIII вв. М.
- Осетино-русский словарь, 1970. Орджоникидзе.
- Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы, 1965 / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.
- Постановление Кайтахского Уцмия Рустем-Хана, написанные в XII в. по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш, 1868 // ССКГ. Вып. I. Тифлис.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов, 1988 / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Гаибиев, Н.А. Магомедов и др. М.
- Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы, 1958 / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала.
- Тихонов Д.И.* Сведения о Северном Дагестане. 1796 г., 1958 // ИГЭД. М.
- Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: Архивные материалы, 1969 / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева М.
- Хашаев Х.-М.*, 1959. Занятия заселения Дагестана в XIX веке. Махачкала.